

основе общности интересов». Вместе с тем, Съезд «не поддержал идею федерального устройства комсомола Белоруссии и высказался за единый Союз с гибкой структурой при сочетании индивидуального и коллективного членства».

Библиографические ссылки

1. Данилов, А.Н. Молодежь Белоруссии: о комсомоле и о себе (материалы социологических исследований) / А.Н. Данилов, А.Н. Кузьмук, О.Н. Кравченко. – Минск, 1990.
2. Документы и материалы XX съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи. 15-18 апреля 1987 года. – М.: «Молодая гвардия», 1987.
3. Баранова, Е.В. Задачи демократического обновления молодежного движения в республике (на примере Союза Молодежи Беларуси): диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 230002 / Е.В. Баранова. – Минск, 1992.
4. Постановление XXV Гомельской областной отчетно-выборной комсомольской конференции. – Гомель, 1987.
5. Халмухамедов, А. «Неформалы» – кто они? / А. Халмухамедов // Аргументы и факты. – 1987. – № 38.
6. XX съезд ВЛКСМ: стенографический отчет. – М. 1987. – Т.1.
7. Исследование по теме «Образ прошлого и образ будущего в сознании студентов». Минск: социологический научно-исследовательский центр БГУ имени В.И.Ленина, 1990.
8. Лигачев, Е.К. О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению / Е.К. Лигачев // Правда. – 1988. – 18 февраля.
9. Денисюк, О.Л. Неформальные объединения, общественно-политические движения, партии в СССР: предпосылки, становление, развитие (1985-1991). – Минск: издательство БГУ, 2003.
10. Материалы архива Центрального комитета ОО «БРСМ».

Кравцов Олег Юрьевич

Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ОБРАЗЕЦ СОВЕТСКОГО НАЦИЕТВОРЧЕСТВА

Нация, как феномен Нового времени и управляемый процесс социальной инженерии. С наступлением индустриальной эпохи, этническое бытие утратило объективную форму народности и перешло на уровень воображаемой общности – нации. При этом происходила естественная утрата части идентичностей (социальной, религиозной, этнокультурной), ставших архаичными в новых условиях [1, с. 4–20]. Вполне закономерно, что при переходе к городскому образу жизни и заводской форме организации труда, деревенские обычаи, традиции, форма одежды и прочая атрибутика традиционного уклада жизни теряла актуальность и видоизменялась сообразно реалиям нового быта.

Советская наука рассматривала понятие *нация*, как высшую форму организации этноса, пришедшую на смену традиционной *народности* в Новое время [2, с. 228–235; 3].

Рождение наций происходило в городах на основе национальной идеи. Национальная идея в виде комплекса представлений об общем этническом происхождении и исторической судьбе консолидировала людей разных классов, уровней культуры и материального достатка.

Национальная идея реализовывается в национальном проекте, который представляет собой форму организации социальных отношений и является продуктом социальной инженерии. Элементами опоры для таких социальных конструкторов выступают язык, этничность, история, территория, религия, культура. Роль социальных инженеров выполняют творческие интеллектуальные и политические элиты, которые задают общий для всех формат национальной (культурно-политической) идентичности, формируют (программируют) необходимые стандарты поведения и мировосприятия через законодательство, официальный государственный язык, символику, историографию, произведения литературы и искусства. [4; 5]. Национальное строительство сводится к созданию нужного типа личности с необходимым набором психологических, мировоззренческих и, как следствие, поведенческих качеств. В качестве главного (генерального) архитектора проекта всегда выступает политическая власть, задающая концепцию и контролирующая ход реализации проекта.

В Советском Союзе нации принято было делить на социалистические и капиталистические (буржуазные) [6]. Буржуазными нациями считались те, которые существовали в буржуазных обществах, разбитых на классы. Нации социалистического лагеря, бесклассовые, освобожденные от буржуазии, считались, соответственно, социалистическими. Социалистическая нация рассматривалась, как переходный этап перед завершающим этапом коммунистического строительства - слиянием в единую коммунистическую бесклассовую и безнациональную общность [7, с. 40].

Белорусы, как большевистский национальный проект. В конце XIX – начале XX в. удельный вес горожан в общей численности населения Беларуси составлял около 10–15 %. При этом, доминирующей по численности этнической группой в городах и местечках являлись евреи, чей удельный вес составлял в среднем 50–60% (а в некоторых городах более 90%) городского населения. Следующими по численности группами являлись русские и поляки. Удельный вес белорусов в общей численности горожан насчитывал, как правило, несколько процентов. Белорусы в основном жили в сельской местности, где составляли абсолютное большинство [8; 9; 10].

Языками города были, соответственно – русский, польский и идиш. Белорусский язык в форме диалектов использовался почти исключительно в сельской местности и имел низкий социальный статус. За русским населением белорусских городов сохранялось политическое доминирование – они были имперской нацией. Местная польская идентичность доминировала в сфере высокой культуры. Сельское население, прибывая в города, вынуждено было делать выбор в пользу одной из двух доминирующих идентичностей и принимать русский и/или польский языки в качестве разговорных.

Однако, приход к власти большевиков после революции 1917 г. запустил на нашей земле совершенно иные социокультурные процессы. Советская власть реализовала в Беларуси свой национальный проект – белорусскую социалистическую нацию, ликвидировав все конкурирующие проекты вместе с их активными носителями [11, с. 92].

На Западе процесс модернизации был растянут на столетия. *Советскую модель модернизации* было решено осуществить за 10– 15 лет. Во второй

половине 1920-х гг. советская власть объявила курс на *социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию с полным уничтожением буржуазии, как класса*. В 1930-е гг. эта политика была официально названа *политикой развернутого наступления социализма по всему фронту*. К 1941 г. первая волна советской индустриализации была закончена. Буржуазия была уничтожена, включая мелкобуржуазный класс крестьян: те из них, кто переселился в город – стали производственными рабочими, те, что остались в сельской местности – стали рабочими сельхозпредприятий (колхозниками) [12, с. 335–336, 340–346]. В городах была фактически ликвидирована польская (буржуазная) модель идентичности. В ходе Холокоста Беларусь лишилась большей части еврейского населения, доля которого после 2-й мировой войны в городах снизилась до нескольких процентов. Во второй половине XX в. население городов превысило количество сельского населения. При этом, белорусы в количественном соотношении стали абсолютным большинством как среди сельского, так и среди городского населения.

Период строительства социализма в СССР длился 40 лет, начиная с 1919 г., когда на VIII съезде РКП(б) был провозглашен курс на построение социалистического общества, и заканчивая 1959 г., когда на XXI внеочередном съезде КПСС было объявлено *о полной и окончательной победе социализма*. Спустя два года, на XXII съезде КПСС, была принята программа построения коммунистического общества, которое, по замыслу строителей, должно было быть построено к 1980 г. Однако, коммунизм в СССР к 1980 г. построен не был, а в 1991 г. произошел самороспуск СССР, что окончательно поставило точку на коммунистическом проекте.

Таким образом, жизненный цикл советских национальных проектов был рассчитан на 40 лет – это примерно два поколения людей, воспитанных советской школой. За это время предполагалось, что народы СССР полностью изживут свою этничность, как буржуазный пережиток, ненужный в коммунистическом интернациональном обществе.

Для естественного ухода от этничности, советские национальные проекты содержали два мощных мотивационных качества: во-первых, непривлекательность, во-вторых, бесперспективность. На пример, в основу белорусской национальной идентичности был заложен образ неимущего крестьянина-батрака (в этом смысле, этноним «белорус» является соционимом) и противопоставлен угнетателю-буржуа («польскому пану»). В качестве идейной и культурной основы была принята крестьянская сельская культура и сельский простонародный диалект, которые, соответственно, были противопоставлены культуре «панской» и польскому языку, как языку и культуре угнетателей. Подобные этносоциальные установки вызывали естественное желание избавиться от неприглядного этнического прошлого вместе с негативной этничностью. Но самое главное, что сама логика коммунистического безнационального будущего принципиально лишала перспективы любой национальной проект. Оба фактора в совокупности позволяли советским белорусам относительно легко и безболезненно расставаться со своим непривлекательным и бесперспективным этносоциальным прошлым во имя светлого коммунистического интернационального будущего, в котором любой «никто» мог стать «кем-то».

Можно с полной уверенностью сказать, что к моменту распада СССР белорусы были полностью сформированной (деклассированной, денационализированной) социалистической нацией, готовой к заключительному этапу строительства коммунистического общества. Более того, белорусы, на наш взгляд, являются примером наиболее успешного социалистического национального проекта, построенного советской властью. За период, проведенный в СССР, белорусы сумели почти полностью изжить собственную этничность, утратить национальный язык (остался в качестве культурного рудимента) и заложить в своем менталитете отчуждение ко всему, что связано с национальным вопросом, как того требовал моральный кодекс строителя коммунизма. На единственном всесоюзном референдуме 1991 г. о сохранении СССР, процент сторонников СССР в Беларуси (83,3%) превзошел количество таковых в самой РСФСР (75,4%) [13].

На наш взгляд, на момент распада СССР среди народов мира белорусы были наиболее близки к переходу в коммунистическое общество. Однако, не вина белорусов, что в результате «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» коммунистический эксперимент был прерван, а социальный материал, который с таким трудом создавался на протяжении семидесяти лет оказалась цивилизационно не востребован.

Библиографические ссылки

1. Барбашин, М.Ю. Основные теории национализма в западном политическом дискурсе. – Гуманитарная мысль Юга России, 2006. – № 3. – С. 4–20.
2. Гиндер (Данилова), В.Е. Проблема определения понятий «этнос» и «нация» в зарубежной и отечественной литературе // Проблемы социальной и административной консолидации Байкальской Сибири. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Часть I. – Иркутск: Отгиск, 2008. – 380 с. – С. 228–235.
3. Терешкович, П.В. Нация // Философский справочник. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.endic.ru/philosophy/Nacija-1483.html>, <http://enc-dic.com/philosophy/Nacija-1483.html> - Дата доступа: 26.03.2017.
4. Дискуссии вокруг понимания этничности. Что такое народ, этнос. // Арутюнян Ю.В., Дробужева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Уч. пос. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
5. Тишков, В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. – 1998. – № 9. – С. 3-26.
6. Сталин, И.В. "Национальный вопрос и ленинизм" / Сочинения в 16 томах, Том 11. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/11-10.html> – Дата доступа: 28.09.2017.
7. Ленин, В.И. "Социалистическая революция и право наций на самоопределение", т. XIX, стр. 40.
8. Беларусы Т.4: Вытокі і этнічнае развіццё/ В.К. Бандарчык, В.М. Бялявіна, Г.І. Каспяровіч і інш. – Мн.: Бел.навука, 2001. – 597 с.
9. Розенблат, Е., Еленская, И., Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке / Журнал "Диаспоры", 2002, №4, с. 27-52. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0105/analit03.php> – Дата доступа: 26.09.2017.
10. Чаквін, І.В., Церашковіч, П.В., Каспяровіч, Г.І. Этнаграфія беларусаў. – Мн.: «Навука і тэхніка», 1985. – 215 с.
11. Манаев, О. Будущее Беларуси. Взгляд независимых экспертов / О. Манаев, Р. Радзик, Ю. Чернявская и др.; под ред. О. Манаева. – Санкт-Петербург: «Невский простор», 2012. – 534 с. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.iiseps.org/wp-content/uploads/2016/07/BelarusFuture.pdf> – Дата доступа: 17.09.2017 г.

12. Новик, Е.К. История Беларуси. С древнейших времен до 2013 г. : учеб. пособие / Новик Е.К., Качалов И.Л., Новик Н.Е.; под ред. Е.К. Новика. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск: Выш. шк., 2013. – 558 с.

13. Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года (Из сообщения Центральной комиссии референдума СССР) // Известия. – 1991. – 27 марта.

Кухаренко Варвара Николаевна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ЮГОСЛАВИСТСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА СЛОВЕНЦЕВ, ХОРВАТОВ И СЕРБОВ

В многонациональной империи Габсбургов самую многочисленную этническую группу составляли славяне (причем, представители всех ветвей славянства: западного, восточного и южного). При своем численном преимуществе в Австро-Венгрии славяне практически не имели политических привилегий и были разделены между двумя субъектами: Цислейтанией и Транслейтанией. Надежда на реализацию проекта триалистического государства (с созданием славянского субъекта внутри империи) погибла вместе с одним из основных ее заступников – эрцгерцогом Францем-Фердинандом, еще в 1914 году. К 1918 г. в заключительный период войны идея реформирования империи у славянских политиков сменяется идеей создания национальных государств. Не были исключением и южные славяне империи: сербы, хорваты, словенцы и боснийские мусульмане.

В русскоязычной историографии традиционно отмечается, что ключевыми игроками в реализации югославистской идеологии к 1918 г. оказались три политические группировки: сербское правительство во главе с лидером сербских радикалов Николой Пашичем, эмигрантский Югославянский комитет под началом хорватского политика Анте Трумбича и Югославянский клуб в Венском парламенте (рейхсрате) под руководством лидера Словенской народной партии Антуна Корошца [см. 1; 2; 3; 4; 5; 6]. Причем Югославянский клуб включился в эту борьбу позже всех, с момента возобновления работы рейхсрата в мае 1917 г. Также стоит отметить, что первоначально два первых фактора работали в тесной связке (Югославянский комитет до 1916 г. использовался сербским правительством и даже получал финансовую поддержку от него). А затем эти два субъекта иногда соперничали, но чаще находились в вынужденном сотрудничестве друг с другом. Третий же игрок в виде Югославянского клуба, объединявшего пречанских политиков только Цислейтанской части империи, был слишком слаб, чтобы навязывать свою версию развития событий остальным игрокам. Но отметим, что эти три «законодателя» идеологической «моды» так и не смогли самостоятельно реализовать любую из своих программ на практике. Кроме того, подавляющее число этих политиков не участвовали в создании Государства СХС.

В этом нет ничего удивительного, если вспомним, что Югославянский клуб – это всего лишь небольшая часть депутатов парламента Цислейтании, у которых вне этого парламента никаких полномочий не было. Югославянский комитет – вообще группа эмигрантов – тоже, разумеется, никакими властными функциями на землях Австро-Венгрии не обладал. Сербское правительство во главе с Пашичем имело полномочия, конечно же, только в рамках сербских земель: а не на габсбургских территориях.